

Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в.

Сауле С. Дутбаева^{а, @}

^а Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, 060011, Республика Казахстан, г. Атырау, пр. Студенческий, 212

[@] saule_sergo@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2019. Принята к печати 06.11.2019.

Аннотация: Современная филология обращается к исследованиям языка на стыке разных направлений: герменевтики и культурологии, когнитивной лингвистики и литературоведения, лингвокультурологии и текстологии. Наиболее интересные результаты получаются при использовании методов анализа разных направлений. В статье описываются образы неба в русской поэзии 90-х гг. XX в. Восприятие этого периода поэтами России весьма отличается от предыдущих и последующих периодов. Поэты по-новому преломляют видение известных символов из мифологии и культуры, применяя свои приёмы при передаче образных рядов. Как показало исследование, Россия описывается поэтами конца XX в. как умершая женщина, как находящийся на распутье человек; небо воспринимается как утраченный рай, в котором царит утраченный на земле мир и покой. Разобщенность неба и земли показывается шумом и хаосом, когда кричат птицы и грохочут механизмы, когда небо взвизгивает червивым грибом (гриб – символ атомного взрыва). Небо и землю объединяет Мировое Древо, символизирующее единство макро- и микрокосмоса. Человек ищет равновесия, гармонии, но не может их отыскать ни на земле, ни на небесах. Человечество проходит похожий этап, который мир проживал в начале XX в., когда вырубали вишневые сады для железных дорог, когда старому миру приходил конец. Люди перестали смотреть на небо в поисках утешения; люди смотрят себе под ноги, видя в рельсах отражение небес. Глубокий символизм наполняет российскую поэзию 90-х гг. XX в. В ходе анализа были выделены кластеры образов неба в современной поэзии: мифологический, религиозный, культурологический, философский (эсхатологический), научно-технологический, фольклорный. Указанные кластеры сопряжены между собой и взаимодополняют друг друга.

Ключевые слова: лингвокультурология, образы культуры, символизм, современная поэзия, коды лингвокультуры, языковая картина мира

Для цитирования: Дутбаева С. С. Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1095–1104. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104>

Введение

Современная поэзия имеет свои отличительные особенности. Тексты разных эпох показывают специфику картины мира. С одной стороны, значения, выражаемые в языке, складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1, с. 39]. С другой стороны, описание некоторых фрагментов мира отображает то, как этот мир преобразился. Ориентация на ведущие направления изучения языка в аспекте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики составляет актуальность проводимого исследования.

Выбор текстов для анализа обусловлен несколькими факторами: 1. Тема неба как проводника высших сил в 90-х гг. XX в., переломные для многих стран и для России в частности, не была еще поднята в научной литературе. 2. Поэзия России 90-х гг. XX в. в целом мало изучена. Взгляд на лирику России 90-х гг. XX в. со стороны жителя другой страны в период распада Советского Союза позволяет

увидеть некоторые лингвокультурологические особенности поэтического языка данного периода. Для анализа было отобрано 612 примеров со словом *небо* (и его производными) из поэзии 90-х гг. XX в. Среди поэтов этого периода – Н. Байтов, В. Блаженный, А. В. Еременко, И. Ф. Жданов, С. В. Кекова, В. Б. Кривулин, Ю. П. Кузнецов, А. Н. Миронов, Е. Б. Рейн, О. А. Седакова, А. А. Сопровский, И. В. Чиннов, О. А. Юрьев и др. Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹.

Изучению языка русской поэзии посвящено много научной литературы. Анализ неба и небесных тел встречается в трудах разной направленности: религиозной, философской, мифокритической, культурологической, искусствоведческой (А. Н. Афанасьев [2], О. В. Белова [3; 4], А. А. Плотнова [3], С. М. Толстая [3; 4], Н. В. Брагинская [5], С. Н. Булгаков [6], Г. Д. Гачев [7], А. Голан [8], В. В. Евсюков [9], А. Ф. Лосев [10; 11], М. Мюллер [12], А. Н. Робинсон [13], В. Н. Топоров [14], П. А. Флоренский [15], О. М. Фрейдберг [16; 17], Дж. Фрээр [18] и др.). Описание неба и его объектов

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.09.2019).

в аспекте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики встречается в работах А. А. Бакировой [19], Н. П. Балашовой [20], С. Е. Баркан [21], Г. Е. Гуляевой [22], Е. Е. Демидовой [23], О. В. Кривалевой [24], К. С. Мирановой [25], А. К. Муллагалиевой [26], Е. П. Панасовой [27], Е. Е. Пименовой [28], М. В. Пименовой [29], Н. И. Пирмановой [30], С. М. Подвигиной [31], Е. В. Репьюк [32], А. А. Рольгайзер [33], Н. П. Сидоровой [34], А. Т. Хроленко [35] и др. «Анализ лингвокультурных концептов позволяет раскрыть общие закономерности и специфику человеческого освоения мира посредством языка» [23, с. 3]. В данной статье анализу подвергается небесная сфера в русской поэзии 90-х гг. XX в. Обратимся к небу и небесному миру и опишем его с позиций образов и символов, характеризующих его в аспекте современной русской лингвокультуры.

В качестве основных методов, используемых в работе, выступают методы лингвокультурологического и текстологического анализа. Описательный метод, семемный анализ, различные приемы анализа словарных дефиниций используются при воссоздании образных признаков, входящих в семантику имен неба и небесных объектов.

Анализ образов небесного мира

Язык поэзии опирается на образы и символы, закрепленные в той или иной лингвокультуре. Традиционные образы неба подробно описаны в научной литературе, указанной выше. Смена парадигм в научном изучении космоса, в общественно-политическом устройстве России привело к изменению сознания носителей языка и восприятию неба в целом. 90-е гг. XX в. для России были трудными, как и для всех стран бывшего СССР. Русская поэзия этого времени фиксирует изменения в привычных образах и символах неба и небесных объектов. Небо воспринималось русским народом как источник изменений: на земле происходят события по воле небес. Поэты остаются поэтами во все века, и даже в трудное время поэты творят свои произведения. Рассмотрим тексты русской поэзии, созданной в это время, с позиций мифологии и лингвокультурных кодов и символов.

Русский фольклор – один из самых продуктивных источников образов и символов неба. Небо и небесные объекты видятся сквозь привычные мифологические образы, например месяц рогат: *Месяц в небо воткнул рога* (Кекова С. В. Выпив время в один присест..., 1995). Один и тот же небесный объект может восприниматься через разные образы. Тот же месяц в русской лингвокультуре – это серп:

*В низком небе узкий месяц, ноготочек
(– где же ручка, если серп? –),
Облокс светлым клубом (– бок наполнил,
маскируя свой ущерб –).*

Юрьев О. А. В говнодавах на резине,
на резинке, на резиновом ходу..., 1996

Поэты С. В. Кекова и О. А. Юрьев используют привычные для русского народа символы, дошедшие из глубины веков, – символ небесной коровы, рогами которой и считается месяц, и артефактный символ серпа-месяца, упоминаемый в разных фольклорных источниках. Однако уже здесь мы видим трансформацию образа. Небо преобразуется из серпа в образ ногтя перста указующего. Человеку-атеисту трудно увидеть бога и понять волю неба. Он способен осмыслить только часть происходящего. Невозможно охватить своим взором всю картину преобразования, человек небесную волю трактует посредством символики давления: ноготь позволяет этот смысл раскрыть – *давить ногтём*. С другой стороны, поэт использует слово в форме с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *ноготочек*, что указывает на несерьезность взгляда на окружающий и небесный миры. При этом поэт использует слово *ущерб*, имеющее 2 значения: «1. в упадке. *Силы его на ущербе*. 2. о луне: в последней фазе»². Поддунный мир – земля – в упадке. Упадок страны маскируется под свет: *Облокс светлым клубом (– бок наполнил, маскируя свой ущерб –)*.

Трудные для России 90-е гг. XX в. выдвинули в поэзии на первый план эсхатологические мотивы. Символикой распутья обыгрывается мотив сложности выбора. Любой из путей не предвещает ничего хорошего для выбирающего. Безопасного пути при таком выборе просто не существует:

*Поедешь налево – умрёшь от огня.
Поедешь направо – утопишь коня.
Туман расстилается прямо.
Поехали по небу, мама.*

Новиков Д. Г. Ты белые руки сложила
крестом... | Россия, 1992

Мотив выбора пути встречается в русских народных сказках, когда от этого выбора зависит жизнь русского богатыря и его коня (конь, как мы помним, тоже символ России: птица-тройка Н. В. Гоголя). Любой путь по земле предвещает смерть (*Поедешь налево – умрёшь от огня. Поедешь направо – утопишь коня*). Остается прямой путь, но он плохо виден сквозь туман (*Туман расстилается прямо*). Однако и он ведет к смерти (*Поехали по небу, мама*). После смерти душа отправляется на тот свет – на небо.

Поэт Д. Г. Новиков обращается к своей стране (*Россия*) как умершей (*Ты белые руки сложила крестом*). Выбор надземного – небесного – пути предполагает уход с плана земного (*умрёшь от огня*). Традиционный сращенный образ-символ России как гоголевской птицы-тройки, который сопряжен у поэта с правильным – правым – путем, предполагает смерть страны (*утопишь коня*).

Небо поэтами описывается через традиционные античные мифологические образы. «Понятийные сферы содержат значительный объем этнокультурной информации, обладают когнитивной направленностью в художественных текстах

² Ущерб // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/uscherb/?q=742&n=185728> (дата обращения: 05.09.2019).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104

при описании человека и окружающей его действительности» [36, с. 18]. При этом эти образы тесно переплетаются с современными научными знаниями по астрономии.

Особое внимание привлекают способы описания созвездий и иных небесных объектов. *Небо песьеглавое* – так называет поэт В. Б. Кривулин в своем стихотворении пространство над головой.

*Капли измороси, тающие звезды,
в песьеглавом небе, где-то возле
крепостного крестика...*

Кривулин В. Б. Ночь. ворота. прутья.
обнаженный зоосад..., 1993

Такой эпитет небо получает из-за одной из ярчайших звезд на небе – Сириуса, которую видно из любой точки Земли, кроме северных ее областей. Сириус, а точнее альфа Большого Пса (лат. *α Canis Majoris*), являлся объектом культа в разных религиях. В долине Нила Сириусу поклонялись как богине Сопдет, в древней Греции это имя передавалось как Сотис (Σῶθις). По греческой мифологии Сириусом стала собака Ориона. Об этом пишет Гомер в «Илиаде» (XXII 30), называя эту звезду Псом Ориона. По-латински Сириус – *Canicula* «собачка». На небе есть и созвездие Малого Пса, в котором яркой звездой светит Процион. Сириус и Процион называют пёсьими или собачьими звездами.

Тематика космонавтики тесно переплетается с мифологией. В. Блаженный обращается к теме *воздухоплавания* – так называется передвижение по небу. Корабли возвращаются из небесной земли – рая, где царит мир и покой:

*Но вернутся они, словно после прибытия
Корабля, из далекого плаванья в небе,
Из небесной земли, где ни кровопролития,
Ни вражды, где у каждого избранный жребий.*

Блаженный В. Но ведь не было этого,
не было этого..., 1992

Небо в разных мифологиях – это небесный океан, по которому плывут небесные объекты – тучи, облака, звезды, луна. Рукотворные объекты – ракеты, самолеты, космические станции – в любых жанрах (в публицистике, научном дискурсе, в поэзии и прозе) называют кораблями. Воды неба – волны. О. А. Юрьев называет небо волнистым:

*Где в волнистом небе кричат галчата
И стучат ногами в раздранный бубен.*

Юрьев О. А. Нет забвенья и никогда
не будет..., 1993

В русской лингвокультуре небо часто предстает в образе огромного водного пространства. «Культурные концепты, реализуемые в художественном тексте посредством ключевых слов, объединяют понятия, представления, образы, приоритеты, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, а также системы социокультурных отношений, традиций, обычаев, характерные для башкирской культуры» [36, с. 18]. Волнение знаменует беспокойствие. Мир окутан как зрительными

образами беспокойства, так и слуховыми (кричат галчата и стучат ногами в раздранный бубен). И бубен тоже символичен – к нему обращаются, когда традиционные религии не справляются, не могут дать ответа на вопросы – за что? почему? зачем? И языческие боги тоже молчат – бубен раздранный. Только галки – медиаторы – посредники между миром земным и миром неба – кричат и пытаются привлечь внимание человека. Но человек уже не понимает природного языка.

Уже в 1990-м г. внимание людей чаще привлекает ночное небо, на котором видятся звезды и месяц. Ночь – время раздумий. И с другой стороны – темнота символизирует мрак. Тьма опустилась на мир и на Россию. И в этой тьме человек обязан жить, как в заточении, по воле небес:

*На холмах Грузии лежит такая тьма,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслилась на небе
Земля как пересыльная тюрьма.*

Еременко А. В. На холмах Грузии
лежит такая тьма..., 1990

Еще одна тенденция современной поэзии – взгляд на небо с позиций искусства. А. Н. Миронов в стихотворении использует зооморфный и вегетативный образы для описания неба. У этого поэта мы наблюдаем эпитеты неба – *скулящее* и *червивое*:

*Нет, от своей пустоты
сеет сеятель семя в ночи и кричит убого,
а его сменяют жнецы и прочие палачи
под скулящим червивым небом Ван-Гога...*

Миронов А. Н. Жизни перетирается
нить..., 1993

У голландского постимпрессиониста Винсента Ван Гога есть картина «Звёздная ночь», написанная им в 1889 г., на которой изображены вихри и спирали на небе. Астрономы отмечают, что именно так выглядят сверхзвуковые потоки газа и пыли. Картина, по мнению специалистов, показывает точное описание турбулентности. Однако поэты видят в этой картине иные образы. Червивое небо – это гриб ядерного взрыва. Мир отравлен супероружием. Скулящее небо – образ псов – Большого и Малого – о которых упоминалось выше. Собака скулит, когда жалуется на боль, на страх и на испуг.

Вегетативный код – один из самых распространенных образных приемов описания неба. В. Блаженный объединяет образ Мирового Древа, растущего корнями в небе, с образом небесного времени жизни человека, похожего на орбиту движения звезды:

*В небе цветешь ты, как божие деревце,
Я же путем пролетаю безвестным, –
Не на что больше мне в мире надеяться,
Жду и надеюсь на встречу с чудесным...*

Блаженный В. Ангел мой, ангел,
слезой изукрашенный..., 1999

Гермесу Трисмегисту приписывают слова: «Что вверху, то и внизу». Небесный мир человеку свойственно видеть

в образах мира земного. На небесах (подчеркнем множественное число существительного) есть земли, неизвестные нам, где есть цветущие сады и леса, населяемые животными:

*О нет, на небесах
Я видел, как цветут неведомые земли,
Как бродит кроткий зверь в загадочных лесах.*

Блаженный В. И если говорил
я «небо», то затем ли..., 1993

В русской лингвокультуре важным фактором выступает единичность неба и множественность небес. Небо – пространство над землей. Небеса – пространства над земным небом.

Зодиак – звериный круг, пришедший из древнегреческой мифологии. Этот образ широко применяется поэтами наших дней. Зодиак называют *звериным колесом*:

*А небеса звериным колесом
Вращаются, и воздух невесом...*

Кекова С. В. Я не пойму, сновидец
иль мертвец..., 1995

Зодиакальные созвездия определяют жизнь человечества на земле. Вращение – основной образ самой жизни (все возвращается на круги своя). Однако жизнь человека – это восхождение на небеса по вертикали:

*А там стоит такая полумгла,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслился на небе
наш путь как вертикальная шкала...*

Еременко А. В. На холмах Грузии
лежит такая тьма..., 1990

Прожив на земле установленный срок, человеку, а точнее его душе, суждено оказаться на небе и зажечься там в виде звезды. Небесный мир и мир земли объединены в этом аспекте.

Образ неба-поля и пасущихся в нем зверей совмещается с незвериным компонентом Зодиака – Весами:

*Два бивуака парят в небесах,
нав среди звёздных полей,
белый журавль, я усну на Весах,
без ощущенья корней.*

Новиков Д. Г. Жаль, обморожены
корни волос..., 1992

Весы (лат. *Libra*) – созвездие, располагающееся между Девой и Скорпионом. По некоторым мифам это вознесенный в небо атрибут Немезиды, Фемиды, Деметры, по суду которых решалась судьба человека после его смерти. Д. Г. Новиков обыгрывает образы сна-смерти и атрибута богини правосудия (усну на Весах), а также образ звезды, который по русской мифологии связан с темой превращения души человека после смерти в звезду.

*А утром легчайшая смерть наступала,
Душа, как роса, в небеса улетала.
Мы все исчезали в сияющей тверди,
Где свет до рожденья и свет после смерти.*

Кузнецов Ю. П. Мы темные люди,
но с чистой душою..., 1997

Человек всегда верил в знаки неба. На небесном пространстве он «читал» свою судьбу по расположению звезд. Небесная книга – вот еще один образ, который до сих пор актуален для современных поэтов:

*Да, труден путь и тяжела узда
Для смертных тел, и непосильно иго
Закона, и небес открыта книга –
В ней кровью наливается звезда,
И свет ее приобретает вес,
И падает, как камень у порога, –
Так каждый звук немислимых словес
Летит от уст неведомого Бога.*

Кекова С. В. Я не пойму, сновидец
иль мертвец..., 1995

Есть версия, что по очертаниям звезд были сложены первые письменные знаки – руны. Петербург со своей знаменитой адмиралтейской иглой видится Н. Байтову стилем, которым чертят руны по петербургскому хмурому небу:

*И чертит руны в небе хмуром
адмиралтейское стило.*

Байтов Н. И вот уже трещат морозы... |
Три года, 1993

Знакам неба было принято внимать. В современном мире принято обращать внимание на знаки из двух столиц – светской (Москвы) и духовной (Санкт-Петербурга).

Постперестроечный период приносит свои изменения в образный ряд русской поэзии. Разъединение народов, война в Чечне – всё это политические события новой истории России. СМИ через телевизор создают новый, достаточно жесткий образный ряд нового мироустройства:

*– Где ты, Россия, и где ты, Москва? –
В небе врагами зажаты,
Это бросает на ветер слова
Ангел с последней гранатой.
Пала Россия, пропала Москва.
Дико устала взоры
АнтиРоссия и антиМосква
На телеящик Пандоры.*

Кузнецов Ю. П. Где ты, Россия, и где
ты, Москва?., 1994

Религия, а именно христианство, также становится источником описания жизни в России. За всё, что происходит в земном мире, несет ответственность творец небесный:

*Твоими руками я слеплен нелепо,
Но в этой юдоли угрюмой
Даны мне земля и попутное небо,
И отрока тихие думы.*

Блаженный В. – Господь, – возопил
я во мраке вселенском..., 1991–1992

Бог-творец – создатель человека – негативно оценивается его творением (*Твоими руками я слеплен нелепо*), а это уже почти мотив богоборчества. Мир, данный человеку – это

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104

юдоль. Книжное слово юдоль, устаревшее, означает «место, где страдают, мучатся». Человек на земле, данной ему в дар, не имеет предполагавшейся изначально гармонии (*даны мне земля и попутное небо*). Небо в 90-е г. XX в. не сопутствовало счастью человека, не приносило радость на землю.

Даже после смерти человек, при всей своей доброте и кротости, не находит покоя в небесах:

*И это в небесах я видел мать с клюкою –
Увы, ее и там неласковы пути,
И все ж она была счастливою такою, –
Она была добром Христовым во плоти...*

Блаженный В. И если говорил
я «небо», то затем ли..., 1993

Земной путь человека – это путь лишений и скорби. Небесный путь не менее труден и тяжок. И нет веры в светлое будущее. Утрачены ожидания награды за перенесенные страдания по ту сторону жизни. Человеку приходится учиться находить радость в том, что он имеет здесь и сейчас, живя на земле. Человек, созданный по образу и подобию божьему, уподобляет себе небо. Олицетворение – вот еще один способ описания неба. Только небо конца XX в. – это небо болеющего организма:

*Кожа неба под звездной паршой.
Боже! В вере меня укрепи!
Я не знаю, что делать с душою
в понедельник в Голодной степи.*

Кекова С. В. Рыбаки не дождалась
улова..., 1991

Парша – грибковое заболевание кожи. Звезды описываются образами чешуек парши. Это уже не ирония и сарказм, которые означают высшую степень десакрализации сакрального. Это низвержение богов, полный атеизм. И солнце – не животворящее и несущее свет и тепло, а рана, зияющая на коже неба: *Солнце на небе пылает, как свежая рана* (Кекова С. В. Что это за птицы летят? Светится пыль..., 1999). 90-е гг. XX в. воспринимаются поэтами как нарушение миропорядка, приведшее к болезни и общества, и космоса:

*Небо в звездах, как тело в коросте,
как листва в беловатой пыли.
Проступают берцовые кости
на поверхности теплой земли.*

Кекова С. В. Небо в звездах, как тело
в коросте..., 1995

Небо, как кожа, облекает тело земли. Болезнь земли заметна на коже-небе либо приводит к судорогам организма-мира: *И неба судорожная кривизна...* (Кенжеев Б. Ш. Еще глоток. Покуда допоздна..., 1997).

Поэзия конца XX в. обращается к русской классике. 90-е гг. XX в. принесли народу ощущение опустошения. Душа поэта требовала гармонии, а ее в мире не было. И. В. Чиннов, обращаясь к этой теме, пишет:

*Ты бы хотела увидеть
Небо в алмазах?
Разве тебе не довольно
Звездного неба?
Ты бы хотела увидеть
Ангела в небе?
Разве тебе не довольно
Первого снега?*

Чиннов И. В. Ты бы хотела увидеть...,
1992

В пьесе «Дядя Ваня» в 4-м действии есть сцена, когда Соня обращается к уставшему дяде Ване со словами: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкою, как сказка»³. Как мы видим, И. В. Чиннов другими способами передает слова А. П. Чехова, вложенными в уста своей героини. Повторяющиеся трудности для России на стыке веков становятся темой для понимания утрачиваемого, уходящего мира.

Не обойден вниманием и научно-технический прогресс. Безусловно, эпоха НТР – так называли XX век – запечатлелась в стихотворениях рассматриваемого периода. Поэзия впитала в себя образы техногенного мира: небо видится в железнодорожном полотне. Человек стал смотреть не вверх, а вниз – под ноги, на землю, на рельсы, в которых видит искаженный образ неба:

*Застыло озеро заката
и отразилось небо в рельсах.
А хризантема в это время,
откинув плащ, открыла счет.
<... >
Закат, заманивая, вянет,
и отразилось небо в рельсах,
и пахнет дым последней фразы,
как пудра на ее лице.*

Байтов Н. Застыло озеро заката... |
Свобода на баррикадах, 1991).

Первоначальным, широко распространенным образом, который встречается издавна в описаниях неба, был образ дома. Дом строят из кирпичей:

*Вот ангел в небе носит кирпичи,
в сырой земле копаются грачи
и бередят ее сквозную рану.*

Кекова С. В. Слова слетают с кончика
пера..., 1995

Артефактная модель образов неба чрезвычайно детализирована. У дома-неба есть стены, потолки и иные составляющие его части:

³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Т. 13. М.: Наука, 1978. С. 104.

*Стол и кресла, вина и закуски,
 Был тут и замшелый бутылек.
 – Тут и думать нечего! – и русский
 Выбил пробку в небо-потолок.*

Кузнецов Ю. П. Самолет летел над океаном..., 1995

Стены неба-дома в 90-е гг. XX в. описываются метафорами разрухи. Переломный этап всегда описывается в метафорах разрухи (вспомним Интернационал: *мы мир разрушим до основанья, а затем...*). Везде в стенах мира щели и трещины: *Небо в трещинах и щелях* (Кривулин В. Б. Снова, Господи, прости им..., 1996). Этот образ переключается с разрушенной в 1990-м г. Берлинской стеной, которая была снесена как символ, разделяющий мир. Однако ее снос принес разрушение дома-Европы.

Небо перестает быть домом для человека. Небо – дом бога. Богов в русской лингвокультуре называют *небожителями*. Человек остаётся на земле – один на один с самим собой:

*Все мы, поэты, у Бога в гостях.
 Домом не может быть небо.*

Байтов Н. Где вы живете, так много стрижей..., 1996

Еще одним широко распространенным артефактным образом неба было зеркало. Небо отражается в земных объектах, и земля отражается в небе, как в зеркале:

*Не пугай и не мучай меня,
 видишь – кто-то нам грудь обнажает –
 это небо в оправе огня,
 словно зеркало, мир отражает.*

Кекова С. В. Нет ни в жилах любви, ни в костях..., 1995

К артефактной части образов неба может быть отнесена и ткань. На ткани неба читаются вышитые звездами знаки. Однако такие знаки только кажутся. Человек не уверен в том, что он правильно читает знаки неба:

*Небо над ними казалось расшитым крестами,
 дыбом стояло. неверно-светящийся нимб.*

Кривулин В. Б. Ездили за город жадно смотреть на комету..., 1995–1996

Небо предстает в метафорах полога, завесы. Завеса неба скрывает от человека некую тайну. И если раньше к небу человек относился с пиететом, то сейчас уважение к небу исчезло, как и его тайна: *Грубо разодрана неба завеса* (Кекова С. В. В речке прозрачная вода убывает..., 1995).

Развитие техники привело к появлению артефактов, которых ранее не было. Здесь встречаются такие образы, как компьютер, консервы и др.:

*Илья-пророк берет грозы аккорд,
 но отвечает сдержанно и хмуро
 сияющих небес клавиатура.*

Кекова С. В. Слова слетают с кончика пера..., 1995

Человек по-новому смотрит высоко в небо и видит там не привычные мифологическому сознанию образы, а то, с чем встречается в повседневной своей жизни:

*Вскрывающий небо ущербным консервным ножом,
 бросающий сверху пустую цветочную бомбу,
 крутой полумесяц на клумбе развернут, как скатерть.*

(Жданов И. Рапсодия батареи отопительной системы, 1999)

Небо 90-х гг. XX в. десакрализовано. Оно перестало нести в себе символику справедливости. Небо – это только пространство над головой, не более того. Небо – часть компьютерной системы.

Бытовой взгляд на то, что ранее было связано с астральным, солнечным и лунным культами, с христианством, где небо понималось как пространство бога или богов, показывает зашоренность человеческого миропонимания, отсутствие веры в то, что происходящее в мире закономерно. Всё это приводит человека к одиночеству, обрывая связь с вышним миром, с космосом, где всё взаимосвязано и упорядочено. Человек становится творцом своей жизни. Только эта жизнь его не радует, не приносит ему счастья. Гармония, которую человек утратил, показывает, что только душа, являющаяся космосом малым, соединяет человека с небом. Душа помнит небесную свою жизнь. И об этом пишут поэты конца XX в.

*Где неба привычного лик? Творцы вавилонской баини
 искали его вверху, не чаяли, как обрести,
 и метили с ним срастись, сравняться плотью всегдашней,
 а выпало растеряться, себя и его низвести.*

Жданов И. Ф. Гора над моей деревней: возле нее погреться..., 1991

Атеизм, распространенный в советское время, когда человек считался творцом, которому доступны поворот рек, достижение космоса и пр., привел к замещению божественных функций человеческими. Человек сам отказался от бога. Апогеем развития атеизма становится забвение своей мифологии. Небо пустеет, а значит, осознанная связь души и неба прерывается. Однако душе все равно предстоит очутиться после смерти на небе, но только ее там уже никто не ждёт:

*В небесах пустырей рассыпались осенние звезды,
 Среди них и моя.*

Сопровский А. А. Липа, ясень, рябина, два тополя пирамидальных..., 1990

В 90-е гг. XX в. в России появляются «братки», которые живут на широкую ногу. Удивительно, что, осознавая свои преступления, они пытаются наладить связь с небом на договорных условиях. Проще говоря, они пытаются за свое благополучие, добытое преступлениями, откупиться от небес деньгами, но не понимают, что это не та плата. Небо – не слуга человеку, оно – вершитель судеб:

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104

*Что же делать? Что же делать?**Кто-то запер адреса.**Он же щедро сыплет мелочь**Чаевую в небеса.*Рейн Е. Б. Темный дождик в переулке...,
1990

Открытие железного занавеса приводит к переселению людей из постсоветского пространства в другие страны. И над головами эмигрантов видится уже другое небо, в котором парят другие птицы. Орёл – традиционная птица на гербе России, заменена на кондора – символ Америки. И новый мир называется иначе – зоной:

*В соседстве Большого Каньона,
Где кондоры в небе висят,
Песчано-кремнистая зона:
Под солнцем лежит Аризона,
Похожий на Мексику штат.*

Чиннов И. В. В соседстве
Большого Каньона..., 1990

Выводы

Как показывает проведенное исследование, в русской языковой картине мира образы неба формируются из двух блоков: 1) объективная реальность (видимое пространство над землей) и 2) духовная реальность (обусловленная религией, мифологией и культурой в целом). Не столь давнее открытие доступа для каждого человека к небесной сфере приводит всё человечество к воздухоплаванию благодаря научно-техническим достижениям в области астрономии, авиации и космонавтики. Одновременно сохраняется интерпретация небес как таинственной части мира, однако это обусловило развитие эсхатологической составляющей системы поэтических образов, связанной с представлением о разрыве связи между небом и землей, оторванности человека от небес и полного его атеизма.

Царивший в советское время атеизм приводит людей к отрицанию роли небес в своей жизни. Расплата за неверие наступает в лихие 90-е гг. XX в., когда человеческая жизнь утратила свою цену. *Лихо* в русском языке – «1. То же, что зло. 2. Поминать лихом вспоминать дурно о ком-чём-н.»⁴. 90-е гг. – злые, дурные. Эта оценка закрепилась за ними в сознании носителей русского языка надолго.

Лингвокультурологический анализ стихотворений рассматриваемого нами периода показывает, что в сознании поэтов символика неба и небес прежних времён сохранена. Она относится не только к русской мифологии, но и мифологии античной. Но эта символика используется не в привычном – традиционном – виде, она преобразуется, низводится до бытового восприятия, теряя свою сакральность.

Поэты и писатели первыми пытаются выразить в привычных образах и символах новую эпоху. Лингвокультурологический анализ символики новой эпохи пугающе устрашающ. В России именно в 90-е гг. XX в. стро-

ится много храмов, разрушенных в советское время. В этих храмах отпевают «братков» – преступников, а многие из них, дожившие до наших времен, станут олигархами. С богом они пытаются вступать в товарно-денежные отношения.

На стыке столетий происходит смена исторических и социальных условий жизни общества. На сломе веков в России произошел серьезный скачок в сознании, к которому привели изменения в стране. Можно говорить о смене эпох – переходе от советского атеистическо-идеалистического мышления к мышлению капиталистическо-прагматическому. Этот переход оказался болезненным и ощутимым для каждого.

Исследование мифологических, научных и религиозных представлений оказывается принципиально важным в аспекте изучения определенного этапа жизни народа России. Представления об окружающем мире влияют на язык, на творчество жителей страны – поэтов и писателей, способствуя акцентуации тех образов, которые возникают в сознании при проживании определенных исторических моментов в жизни общества.

Заключение

Языковой материал показывает, что на формирование и развитие понятий, связанных с небом и небесной сферой, влияют разные факторы: древние мифологические представления; социально-исторические изменения в обществе, приводящие к переплетению обыденного, религиозного и научного знаний; особо следует отметить прагматический подход носителей языка при выделении приоритетных признаков неба и его объектов; взаимосвязь небесного и земного мира в аспекте языковой картины мира; лингвокультурологический и этнопсихологический факторы.

Лингвокультурологический фактор связан с осознанием собственного одиночества в этом мире, утраты связи со своими предками – их культурой, которая выражена в мифологии и религии. Восстановление единства двух миров – макрокосма и микрокосма – приводит к иногда неверным шагам – попытке подкупить небо или вовсе его сменить, покинув свою Родину. Этнопсихологический фактор обусловлен пониманием невозможности контролировать события в этом мире и свою собственную жизнь. Это приводит к появлению маргиналов в обществе и к снижению стили поэзии 90-х гг. XX в. Этот период истории России ассоциируется с упадком и злом, страхом и болью. Жизнь на земле воспринимается как наказание – отсюда образы узника и зоны – тюрьмы на Земле.

Небо в русской лингвокультуре – это символ гармонии, созвучия проживаемого и необходимого для души. Сращение мифологических, религиозных и научных представлений о небе, небесных объектах, земле и человеке показывает конкретную часть духовной жизни русского народа в 90-е гг. XX в., в которой переплетается уходящая старина и современность. Всё это послужило фундаментом для целостности восприятия духовной и физической действительности, в которой обитает человек.

⁴ Лихо // Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://что-означает.рф/лихо> (дата обращения: 05.10.2019).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. III. 768 с.
3. Белова О. В., Плотникова А. А., Толстая С. М. Небо // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 376–380.
4. Белова О. В., Толстая С. М. Луна // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 143–147.
5. Брагинская Н. В. Небо // Мифы народов мира. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энцикл., 1988. Т. II. С. 206–208.
6. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
7. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
8. Гоан А. Миф и символ. 2-е изд. М.: РУССЛИТ, 1994. 375 с.
9. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
10. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
11. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
12. Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М.: Искусство, 1995. 448 с.
13. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.). М.: Наука, 1980. 336 с.
14. Топоров В. Н. Океан мировой // Мифы народов мира. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энцикл., 1988. Т. II. С. 249–250.
15. Флоренский П. А. (священник). Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловьевских писем. Завещание. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.
16. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
17. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
18. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1986. 703 с.
19. Бакирова А. А. Способы вербализации мотивирующих признаков концепта звезда в русской языковой картине мира // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. СПб., 2018. С. 108–114.
20. Балашова Н. П. Вегетативный код лингвокультуры в описании луны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 105–108.
21. Баркан С. Е. Признаки живой природы в структуре концепта звезда // Язык и культура. 2009. № 3. С. 5–9.
22. Гуляева Г. Е. Роль историко-культурного контекста в формировании концепта «Солнце» (на материале творчества К. Кинчева) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2006. № 6. С. 133–137.
23. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов небо и heaven в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
24. Кривалева О. В. Сопоставительная характеристика словообразовательных гнезд в рамках исследования концептов «небо» / «Himmel» и «земля» / «Erde» в русской и немецкой языковой картине мира // Языковые и речевые единицы в разных языках / отв. ред. Р. З. Мурясов. Уфа: БашГУ, 2006. С. 351–359.
25. Миронова К. С. Концептосфера небо в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 19 с.
26. Муллагалиева Л. К. Реализация концепта «луна» в русской языковой картине мира (на примере лингвокультурологического словаря) // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии. В 2 т. / отв. ред. Н. В. Пятаева. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2006. Т. 2. С. 96–98.
27. Панасова Е. П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 194 с.
28. Пименова Е. Е. Концептуализация небес посредством признаков артефактов // Язык и ментальность / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 489–495.
29. Пименова М. В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта звезда) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. М.-Архангельск, 2009. Вып. 4. С. 140–153.
30. Пирманова Н. И. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами свет – небо – земля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
31. Подвигина С. М. Образы неба и небесных светил в русской и немецкой фразеологии // Язык и национальное сознание / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2005. Вып. 7. С. 92–99.
32. Репьюк Е. В. Концептуальные признаки стихий концептов звезда и star // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 429–435.

33. Рольгайзер А. А. Витальные признаки концептов звезда и étoile // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 435–441.
34. Сидорова Н. П. Мифологический портрет луны в русской концептосфере // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2. С. 170–174.
35. Хроленко А. Т. Кластерный анализ в лингвокультурологических исследованиях // Небо: Опыт кластерного анализа / науч. ред. А. Т. Хроленко. Курск: КГПУ, 2003. С. 3–7.
36. Самситова Л. Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2015. 62 с.

Linguaculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990's

Saule S. Dutbayeva^{a, @}

^a Dosmukhamedov Atyrau State University, 212, Studencheskiy Ave., Atyrau, Republic of Kazakhstan, 060011

[@] saule_sergo@mail.ru

Received 16.09.2019. Accepted 06.11.2019.

Abstract: Modern philology studies language at the junction of different directions, e.g. hermeneutics and cultural studies, cognitive linguistics and literary criticism, linguaculturology and textology, etc. As a rule, combined methods provide the most interesting results. The article describes the images of the sky / heaven in the Russian poetry of the late XX century, the period of Russian history known as “the dashing nineties”. Contemporary poets seemed to have a very peculiar perception of that period. Their vision of traditional mythological and cultural symbols differed from commonly accepted interpretations. They described Russia as a dead woman or as a man at a crossroads, while the sky was a lost paradise that retained the peace and tranquility that are not to be found on the earth any more. The gap between heaven and earth is shown by the chaos of birdcalls, machinery noise, and nuclear clouds. Heaven and earth are connected by the World Tree, which unites the macro- and microcosm. Man seeks balance and harmony but cannot find them. In the 1990's, mankind was repeating the stage it had passed in the early XX century, when cherry orchards gave place to railways, and the old world order was coming to an end. In such periods, people do not look at the sky for solace; they mind their own step and see heaven reflected in the rails. The poetry of the 1990's is filled with deep symbolism. The present analysis revealed several image clusters of the sky: mythological, religious, culturological, philosophical (eschatological), scientific and technological, and folklore. These clusters are interconnected and complement each other.

Keywords: linguaculturology, cultural images, symbolism, modern poetry, codes of linguistic culture, linguistic worldview

For citation: Dutbayeva S. S. Linguaculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990's. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1095–1104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104>

References

1. Apresyan Yu. D. Man via language: an attempt of systematic description. *Voprosy iazykoznanii*, 1995, (1): 37–67. (In Russ.)
2. Afanasyev A. N. *Myths, beliefs, and superstitions of the Slavs. Poetic views of the Slavs on nature*. Moscow: EKSMO; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002, vol. III, 768 s. (In Russ.)
3. Belova O. V., Plotnikova A. A., Tolstaya S. M. *Sky. Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*, ed. Tolstoy N. I. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, 376–380. (In Russ.)
4. Belova O. V., Tolstaya S. M. *Moon. Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*, ed. Tolstoy N. I. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, 143–147. (In Russ.)
5. Braginskaya N. V. *Sky. Myths of the World*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sovetskaia entsikl., 1988, vol. II, 206–208. (In Russ.)
6. Bulgakov S. N. *Non-Evening Light: Contemplation and speculation*. Moscow: Respublika, 1994, 415. (In Russ.)
7. Gachev G. D. *Mentality of the peoples of the world*. Moscow: Eksmo, 2003, 554. (In Russ.)
8. Golan A. *Myth and symbol*, 2nd ed. Moscow: RUSSLIT, 1994, 375. (In Russ.)
9. Evsiukov V. V. *Myths about the universe*. Novosibirsk: Nauka, 1988, 176. (In Russ.)
10. Losev A. F. *Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow: Politizdat, 1991, 525. (In Russ.)

11. Losev A. F. *Being. Name. Space*. Moscow: Mysl, 1993, 958. (In Russ.)
12. Muller M. *Six systems of Indian philosophy*. Moscow: Iskustvo, 1995, 448. (In Russ.)
13. Robinson A. N. *Literature of Ancient Russia in the literary process of the Middle Ages (XI–XIII centuries)*. Moscow: Nauka, 1980, 336. (In Russ.)
14. Toporov V. N. *World Ocean. Myths of the World*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sovetskaia entsikl., 1988, vol. II, 249–250. (In Russ.)
15. Florensky P. A. (Priest). *To my children. Memories of the past. Genealogical research. Letters from the Solovetsky Archipelago. The last will*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1992, 560. (In Russ.)
16. Freidenberg O. M. *The myth and literature of antiquity*. Moscow: Nauka, 1978, 605. (In Russ.)
17. Freidenberg O. M. *Poetics of the plot and genre*. Moscow: Labirint, 1997, 448. (In Russ.)
18. Fraser J. *The Golden Bough*. Moscow: Politizdat, 1986, 703. (In Russ.)
19. Bakirova A. A. Methods of the motivating signs verbalizing of the concept "zvezda" in the Russian language picture of the world. *Conceptual Studies in the aspect of Russian linguoculture*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg, 2018, 108–114. (In Russ.)
20. Balashova N. P. Vegetative metaphors in the description of the moon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-4): 105–108. (In Russ.)
21. Barkan S. E. The signs of nature in the structure of the concept "star". *Jazyk i kul'tura*, 2009, (3): 5–9. (In Russ.)
22. Gulyaeva G. E. The role of the historical and cultural context in the formation of the concept of the "Sun" in K. Kinchev's oeuvre. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2006, (6): 133–137. (In Russ.)
23. Demidova E. E. *Structures and methods for updating the signs of the concepts "nebo" and "heaven" in Russian and English language worldviews*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2010, 229. (In Russ.)
24. Krivaleva O. V. A comparative characteristic of word-building nests in the framework of the study of the concepts "sky" / "Himmel" and "earth" / "Erde" in the Russian and German language worldviews. *Language and speech units in different languages*, ed. Murzasov R. Z. Ufa: BashGU, 2006, 351–359. (In Russ.)
25. Mironova K. S. *Sphere of concepts "sky" in English and German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2009, 19. (In Russ.)
26. Mullagalieva L. K. Implementation of the "moon" concept in the Russian language worldview based on the linguacultural dictionary). *Anthropocentric linguistics paradigm and problems of linguoculturology*, ed. Piataeva N. V. Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiia, 2006, vol. 2, 96–98. (In Russ.)
27. Panasova E. P. *The concept of the SUN in the Russian language and speech*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2007, 194. (In Russ.)
28. Pimenova E. E. Conceptualization of heaven via object features. *Language and Mentality*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGU, 2010, 489–495. (In Russ.)
29. Pimenova M. V. On the question of the methodology of conceptual studies (on the example of the concept star). *Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world*, comp. and ed. Simashko T. V. Moscow-Arkhangelsk, 2009, iss. 4, 140–153. (In Russ.)
30. Pirmanova N. I. *The cultural connotations of phraseological units with the components of light – sky – earth*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 24. (In Russ.)
31. Podvigina S. M. Images of the sky and celestial bodies in Russian and German phraseology. *Language and national consciousness*, ed. Sternin I. A. Voronezh: Istoki, 2005, iss. 7, 92–99. (In Russ.)
32. Repiuk E. V. Conceptual signs of forces of nature in the "zvezda" and "star" concepts. *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*, ed. Pimenova M. V. Moscow: IIA RAN, 2011, 429–435. (In Russ.)
33. Rolgayzer A. A. Vital features of zvezda and étoile concepts. *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*. Moscow: IIA RAN, 2011, 435–441. (In Russ.)
34. Sidorova N. P. Mythological portrait of the moon in the field of Russian concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2008, (2): 157–162. (In Russ.)
35. Khrolenko A. T. Cluster analysis in linguistic and cultural studies. *Sky: cluster analysis experience*, ed. Khrolenko A. T. Kursk: KGPU, 2003, 3–7. (In Russ.)
36. Samsitova L. Kh. *Cultural concepts in the Bashkir language worldview*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ufa, 2015, 62. (In Russ.)